

Глава 1

НАЧАЛЬНИКИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

Ну почему я такая невезучая!

Карета подскочила на очередном ухабе, и я снова припечаталась нежной филейной частью о жесткую деревянную лавочку. Выругалась и придержала цветочный горшок, боясь, как бы из него не выскочил Васус — наследство любимой бабушки и память о ней. Цветок ядовитый и с колючками, красный, с обманчиво приятным запахом и удивительно красивый. Я его возила с собой везде вот уже три года.

— Высший Управленческий Университет с отличием! — бухтела я себе под нос. — Рекомендации, билет в будущее... И все пошло прахом! И ведь даже винить, кроме себя, некого!

Я тряслась в карете, ругая себя, весь белый свет и несправедливое мироздание. Началось все тогда, когда меня, выпускницу Высшего Управленческого Университета, пригласили на должность пресс-секретаря к его светлости герцогу Влисскому. О такой удаче никто из выпускников даже мечтать не мог, я была горда неимоверно и даже не предполагала, что счастье не будет долгим.

До сих пор считаю, что чашка кофе, пролитая на нежный зад его возлюбленной, — не моя оплошность. Просто не ожидала я — юная и не искушенная делами любовными барышня — узреть герцога, запросившего кофе, в столь пикантной позе. А уж просьба подать поднос с напитком прямо на спину томно закатывающей глаза блондинке и вовсе виделась мне чем-то из ряда вон выходящим. Вот и дрогнула рука. А с кем не бывает?

Потом был барон Митерр — мужчина серьезный, увлеченный работой. Там я сама виновата: открыла ежедневник не на той страничке, записала встречу на день позже, сорвала важные переговоры и сделку. Страна потеряла миллиардный контракт, а я — работу.

Баронесса Тиррил сразу предупредила, что в личной помощнице ценит утонченность, стиль и пунктуальность. Надо ли говорить, что, торопясь на первую рабочую встречу, я упала в грязь, порвала платье и переодевалась в ближайшем магазине готовой одежды? В результате опоздала, и вид мой был далек от совершенства.

В агентстве по найму на меня уже смотрели не то с удивлением, не то с подозрением, но периодически подкидывали работу. Каждый раз вариантов становилось все меньше, но даже там задержаться не получилось. Пару раз я уходила сама по разным причинам, ну, или творила глупости, влипала в неприятности.

Закончилось все тем, что в последний мой приход из всех вариантов остался один. На мой

взгляд, не очень и плохой. Единственное, что печалило, — нужно было переехать из столицы за город и стать личной помощницей ректора магической академии.

Это уже потом, когда я подписала контракт, мне сказали, что, во-первых, ректор — мужчина специфический и характер у него сложный. Дольше всего проработала моя предшественница — полгода — и была уволена за неподобающее поведение. Говорят, хотела соблазнить. А во-вторых... если меня выгонят и оттуда, я могу идти работать куда захочу — мыть полы, выгуливать собак, а диплом прибить на стенку над кроватью и рыдать над ним перед сном, так как время на учебу было потрачено зря. И теоретические знания на практике мне помочь не способны.

За поворотом показался каменный забор и возвышающиеся вдалеке башенки академии. Флаг этого достойного заведения я разглядеть не смогла. Издалека он смотрелся странно, и расцветка у него была необычная — белая, в розовые точки.

Пока я размышляла, Васус почти выбрался из горшка. Он расправил стебель и тянулся алыми лепестками к занавеске, намереваясь сожрать.

— Фу! — цыкнула я и тихонько шлепнула ладонью по площадке.

Цветочек послушно занял свое место, приняв приличествующий растению вид. Только лепестки сложились таким образом, что лично мне виделся какой-то неприличный жест. Но я не стала заострять на этом внимание. Пусть тешится.

Я расплатилась с возничим, вытащила свой необъятный чемодан на вымощенный плиткой внутренний двор, смахнула со лба бисеринки пота и, стараясь принять полагающееся личной помощнице выражение лица, направилась к главному входу. Васус под мышкой немного смазывал впечатление, но класть его к вещам было чревато. Вообще цветочек у меня мирный, но когда скучал или злился, жрал все, что не прибито. Раньше он таким не был, просто после смерти бабушки характер испортился.

Во дворе было тихо, что и неудивительно — середина лета, пора отпусков и каникул. У меня впереди полтора месяца, чтобы вникнуть в дела, разобраться в обстановке и только потом столкнуться нос к носу с толпой диких студентов. В том, что студенты дикие, я даже не сомневалась. Сама не так давно закончила учиться. Управленцы в большинстве своем хитрые, подлые, но благовоспитанные, а вот про студентов-магов всегда ходили самые разные слухи.

По дороге я не встретила никого, лишь за спиной пару раз мелькнули тени. Они, видимо, приглядывались ко мне. Какие-нибудь магические охранники. Васусу они не понравились, и он клацнул зубами, едва не выпрыгнув из горшка. Пришлось остановиться и нежно почесать лепесточки. Цветочек завибрировал и тихонько заурчал — радовался.

Я толкнула дверь и сразу же попала в ад. Кто-то орал громко и так витиевато, что я оторопела.

Жутко воняло краской, создавалось впечатление, что в холле произошел какой-то неудачный магический эксперимент: лестница без перил, на полу — осколки плитки, серые стены в разводах, и все покрыто мелкой белой пылью от шпаклевки. До меня не сразу дошло, что это всего лишь ремонт.

— Эй, ты! Белобрысое недоразумение! — крикнули откуда-то со стороны, и я, прижав к груди цветочный горшок с Васусом, замерла словно испуганная мышь. Медленно повернулась и встрети-лась с пылающим взглядом демонических глаз.

— Онемела? Прием заявлений — со следующей недели! А сейчас — брысь отсюда! Не видишь — у нас ремонт! — грозно рыкнул мужчина. Он был высок, выше меня на голову, широк в плечах и страшен. Его перемазанная в краске физиономия не предвещала ничего хорошего.

«Вот почему эффектные мужики такие хамы и чаще всего обделены интеллектом?» — вздохнула я и решила: надо пожаловаться ректору, что у него работают до ужаса не воспитанные маляры.

Правда, будучи девушкой утонченной и вежливой, на месте я скандал устраивать не стала, лишь тихонько пискнула:

— Простите... но я... не...

— И герань свою дома оставь. Оригинальных ценят, но не до такой же степени? И проверять будут знания. Всем наплевать на то, что ты стащила с окна у бабушки герань. Тут нужны только знания. Все, беги давай, некогда!

Я опешила. Мужчина развернулся ко мне вполоборота, а противная скотина Васус, который никогда не умел себя вести, оскорбился, вытянул стебель (я даже не представляла, что он такой длинный) и попытался вцепиться грубияну в плечо.

Понимая, что вряд ли получится избежать катастрофы, я рванула горшок на себя. Хищные челюсти клацнули в миллиметре от грязной, покрытой побелкой рубашки. Пытаясь удержать равновесие, я отступила, споткнулась о свой чемодан и, испуганно взвизгнув, полетела на пол. Точнее, полетела бы. Не знаю как, но грубиян успел развернуться быстрее, чем я рухнула. Он хотел удержать меня за руку, но так как горшок я не выпустила, схватил за талию. Очередной писк вышел мышиным: незнакомец был мужчиной крупным и тренированным. Рабочим строительных профессий не нужно потеть в спортзале, тяжелый физический труд помогает держать себя в тонусе.

— Спасибо, — успела я шепнуть едва слышно, прежде чем Васус, про которого мы неосмотрительно забыли, извернулся и все же тяпнул незнакомца за руку.

— Вот же дрянь вонючая! — взвыл мужчина, но меня не отпустил.

Я отскочила осторожненько сама и сразу доложила, чтобы не начали убивать:

— Если что, я не виновата и совсем не абитуриентка! Я личная помощница ректора! Меня трогать нельзя! Вот!

— Да ты что? — изумился мужик как-то очень уж отстраненно. Вероятнее всего — потому что прицеливался к моему цветку, даже рукава закатал. Но цветуй шипел и клацал зубами — голыми руками его не возьмешь.

— Не троньте Васику! — завопила я, пытаюсь спрятать горшок, и все же плюхнулась на зад в самую грязь. Похоже, с новым платьем придется попроститься.

Цветуй, почуяв опасность, сразу же притих, быстро съезился и исчез в горшке с землей.

— Ты даешь имена растениям? — подозрительно тихо уточнил мужчина и посмотрел на меня как на сумасшедшую. Но руки почему-то убрал.

Допустим, не я, а бабушка, но ему-то какое дело? Хочу и даю!

Я уже набрала в рот воздуха, намереваясь отчитать нахала, но тут заметила, что в помещении стало удивительно тихо. За нами внимательно наблюдали и маляры, красившие стены, и толстая тетка на стремянке под потолком, и сухонький мужичок в очочках, который показался из коридора.

Может быть, это и есть ректор? Тогда мне опять не повезло. Плохо, наверное, предстать перед будущим начальником на полу, в грязи, в обнимку с цветочным горшком.

Впрочем, все оказалось намного хуже. Мужичок в очочках осторожно подобрался к нам и очень вежливо и тихо пропел, обращаясь к сегодняшнему источнику моих бед:

— Герр ректор...

После этих слов меня сначала бросило в жар, а потом — в холод. Я едва удержалась от стога. С этим местом работы мне, видимо, тоже не повезло.

— Там опять проблемы... — Он несчастно покосился на меня, сглотнул и совсем тихо закончил: — С флагом академии...

Вид при этом мужчина имел потерянный и слегка смущенный. Я вообще сидела на полу ни жива ни мертва и даже попыток встать не делала. Зачем, если можно попрощаться с мечтами о безбедной жизни? Придется возвращаться в отчий дом и выходить замуж за какого-нибудь сына мясника. Никто другой меня точно не возьмет. Возраст не тот, и с везучестью проблемы. Да и по дому я делать ничего не умею.

— Вот же лохматый гаденыш! — взорвался ректор, добавил пару непечатных фраз и кинулся к выходу.

Я, пискнув, отползла с дороги и снова привлекла к себе ненужное внимание. Ректор замер, посмотрел на меня так, словно я была раздавленной лягушкой, и скомандовал:

— И эту... с геранью... кто-нибудь устройте! Сейчас совсем не до нее! Кто у нас самый свободный?

— Конечно, профессор Сазейр. Он же у нас не может мараться, это мы — простые смертные — отдуваемся, — пробухтела полная женщина, которая опасно покачивалась на стремянке.

Я бы на ее месте, с таким-то весом, поостереглась лазить по верхотуре.

— Вы бы не возмущались, герра Сибилла! А то обзавидовались тут! Я вам мигом организую все условия, которые есть у профессора.

Женщина ойкнула, с трудом удержала равновесие и тут же замолчала. Интересно, чего она так испугалась? И что это за профессор такой, который может себе позволить бездельничать, когда все остальные работают?

— Кстати, найдите его кто-нибудь! — скомандовал ректор на ходу. — Пусть покажет тут все моей помощнице. А в пять вечера жду вас в моем кабинете! И ничего, богов ради, до моего прихода не трогайте! Знаю я вас! Все секретарши одинаковые: или сломаете что-нибудь, или потеряете! Все, свободны!

Я не сразу поняла, что последняя часть фразы относится ко мне.

Едва ректор скрылся за дверью, движение возобновилось. Мужчина в очочках кинулся обратно в коридор, видимо, разыскивать профессора. Тетка посмотрела по сторонам и, изогнувшись на стремянке, повернулась ко мне.

— Боги услышали мои молитвы! Девонька, доработай хоть до сентября, а? Дольше-то не прошу. Вижу же: ты нежная, воспитанная... Не приживаются у нас такие. — Она вздохнула, подумала и добавила: — Да никакие у нас не приживаются. Характер уж больно у нашего ректора дурной. Да и условия работы тяжелые, а ведь никаких надбавок.

Я собиралась возразить, но не успела, так как мне навстречу в темно-алой профессорской мантии вышел самый настоящий мертвец.

— Вставайте, — скомандовал он и протянул ко мне костлявые руки. В провалах глазниц полыхало пламя, тонкая кожа обтягивала впалые щеки, а безгубый рот скалился.

Я не смогла даже завизжать, просто покрепче прижала к себе Васуса и отключилась.

* * *

Висеть было неудобно, поэтому я, наверное, и пришла в себя. И еще — от тихих голосов над ухом.

— Куда вы ее тащите?

— А что вы предлагаете, герра Сибилла, ее там, на осыпавшейся штукатурочке оставить валяться? Сейчас этот дикобраз придет. Кому достанется?

— Всем, — обреченно отозвался женский голос.

— Вот именно — всем! Нужно убрать следы. Сделаем вид, что все пошло по плану. Может, и не вскрыется.

— Может — да, а может — нет... — проворчала герра Сибилла. — Осторожно! — завопила она (видимо, наша процессия едва не налетела на что-то). — Герань-то! Герань заберите! А то расстроится девочка. А так, может, хоть чуток у нас поработает!

— И что же молодежь такая впечатлительная пошла! — пробухтел лич где-то над ухом.

Его голос я узнала и открывать глаза передумала. А когда до меня дошло, что за руки меня тащит именно он, я едва не заорала, но предпочла обмякнуть и не подавать признаков жизни. К счастью, за

ноги несет явно кто-то живой. Или у них тут стадо умертвий бегают?

Открыла глаза, только когда меня положили на что-то мягкое, подоткнули подушечку, повозились справа у уха, повздыхали.

— Умаялась деточка, — умилилась герра Сибилла.

Через секунду хлопнула дверь. Ни на одном месте работы коллеги так радушно меня не встречали. И почему все так хотят, чтобы я осталась?

Я открыла глаза и резко села.

К счастью, Васус был здесь: стоял на подоконнике и меланхолично жевал соседний цветок. Я шикнула, отругала и шлепнула по горшку. Цветугй демонстративно сжался, задрожал и попытался спрятаться.

— Не придуривайся! Сейчас только уйду, снова примешься за старое.

На тумбочке у кровати лежал листок с какой-то пентаграммой и ключ-жетон. Я так и этак повертела бумажку и все же сообразила, что кривые линии — это коридоры, а красный жирный крест где-то вверху, вероятнее всего, кабинет ректора. Кто-то добрый над крестом пририсовал череп — очень обнадеживающе.

Я уже более-менее пришла в себя. До встречи оставалось время принять душ, переодеться и обдумать сложившуюся ситуацию. Распаковывать чемодан я не стала, только достала сверху темно-серое строгое платье. Я помнила о судьбе своей предшественницы и решила не испытывать удачу — гардероб подобрала скромный. Сейчас, прав-

да, не была уверена, что мне это поможет. Попрет меня ректор взашей за утреннее представление. Хотя я-то тут при чем? Это все Васус.

Цветуй все же пришлось убрать с окна, пока он не успел доесть бедненькое и без того хиленькое растение в соседнем горшке.

Мне выделили очень приятную комнату — даже не скажешь, что в ней кто-то жил до меня. Как в номере хорошей гостиницы, здесь были уничтожены все следы бывших жильцов.

Персиковый ковер. Большая кровать под балдахином, встроенный в стену шкаф, способный вместить все мои многочисленные вещи, и две двери. Одна — в душевую комнату, другая — в небольшую гостиную с диваном и камином. Просто, мило, уютно. Окна выходили на небольшую площадь и башенку. Странно, но флаг чудесным образом поменялся. Вместо белого — синий фон, на котором расправила крылья сова — символ мудрости и знаний. И никаких розовых точек. Может быть, мне просто с дороги померещилось?

Я приняла душ, переоделась и даже успела накраситься. Зеркало отражало миниатюрную блондинку. Мне говорили о том, что я красива, но это качество нужно девушке, если она мечтает выйти замуж, я же хотела сделать карьеру и быть независимой. Я видела, во что превратилась жизнь мамы и сестер. Нет уж, кухня, дети и вышивка — это не то, чем бы мне хотелось заниматься круглосуточно. Поэтому я не то чтобы скрывала свою внешность, нет. Скорее предпочитала не акцентировать

на ней внимание. Светлые серебристые волосы собирала в гладкую прическу, носила строгие платья с высоким воротником-стойкой и никогда не пользовалась яркой помадой — акцент делала на глаза.

Единственное, что не удавалось замаскировать, — возраст. В свои двадцать четыре я выглядела студенткой. Неудивительно, что ректор принял меня за абитуриентку. Но тут я ничего поделать не могла, да и не считала нужным себя старить.

Поразмыслив, я решила никого не подставлять и умолчать об обмороке. Вдруг это своего рода проверка на стрессоустойчивость? Остальные при виде ожившего мертвеца сознание не потеряли, значит, он здесь существо обыденное и придется привыкать. Демоны, я даже есть с ним из одной тарелки была готова, лишь бы меня оставили жить в этой комнате и работать в этом месте!

Когда-то я мечтала о политической карьере, но сейчас была рада и тому, что имею.

Чтобы не заблудиться и не опоздать, я даже вышла заблаговременно. Сунула под мышку Васуса, который на новом месте чувствовал себя явно неудобно. Брать его в кабинет к ректору после утреннего происшествия не стоило, но и оставлять его одного я боялась. Теоретически цветуй мог уползти из горшка и забиться в какую-нибудь щель, а как любое растение, жить без земли и воды не мог. Поэтому пришлось рискнуть.

Как ни странно, кабинет я нашла без проблем, даже жетон подошел и никаких неприятностей не

случилось. Я выдохнула. Аккуратно закрыла за собой дверь и остановилась, чтобы осмотреться.

Здесь был бардак. И не просто бардак, а бардак с большой буквы. Стопы бумаг, невымытые кружки из-под кофе, какие-то магические предметы и еще много всего, не поддающегося идентификации.

А на столе, за которым, предположительно, я должна была работать, лежали трусы. Большие — в них влезли бы я и моя соседка по комнате со студенческих времен — и очень странного фасона. Высокие, с рюшами и кружевами. Расцветка тоже радовала: белые, в крупную ярко-розовую клубничку. В общем, весьма странная и пугающая вещь. Если у ректора такой фетиш, пожалуй, я понимаю, почему тут никто работать не хочет.

Я прижала Васуса поближе к груди и задумалась. На меня сегодня уже орала, я получила приказ не трогать ничего до появления недовольного начальства, но сидеть рядом с *этим* тоже не хотелось.

Подумав, я поставила цветочек на подоконник рядом со столом и решила сделать кофе — это, по крайней мере, безопасно.

Не только себе, конечно, но и новоиспеченному начальнику. Вдруг проникнется и оценит если не качество напитка, то хотя бы чистоту чашек.

Выходила я буквально на пять минут, помыла чашки и налила в графин воды. В приемной обнаружила маленькую плитку с кристаллами — там можно было вскипятить воду. Ректор оказался эсте-

том и использовал только стеклянную посуду — никакого тебе презренного металла. Ставишь графинчик на магический кристалл, и нагревается сама вода, а не стекло. Очень удобно.

Возвращалась я бегом, под доносящиеся из кабинета нечеловеческие вопли. Увидев странную картину, я едва не лишилась рассудка. Сердце упало в желудок, а графин с водой — на пол, но я даже не заметила этого.

Мой цветучек дотянулся до милых ректорскому сердцу труселей и сожрал уже половину, даже больше. Из пасти торчали оборки одной штанины, а за другую с визгом и воплями цеплялось маленькое лохматое существо. Если память мне не изменяла, существо именовалось шушелем и являлось выходцем из тонкого мира.

Шушель истерил, верещал и пытался спасти труселя, мой цветуй не сдавался и спешно дожевывал свою добычу, а я стояла как столб, понимая, что, видимо, снова придется паковать чемоданы.

Наконец шушелю удалось отвоевать резинку с остатками веселенькой ткани. Ругаясь на своем шушелячьем языке, он забился в угол и принялся так жалостливо подвывать, что мне стало очень стыдно за невоспитанного и прожорливого Васуса, который давился, но все же упорно заглатывал остатки тряпки.

— Что за?.. — раздалось за спиной.

Я вздрогнула, сообразив, что пожаловал хозяин кабинета, и отскочила, зажмурившись. Было очень-

очень страшно, потому как я понимала: сейчас будут убивать. По всей видимости, не только меня, но и Васуса, а цветочек я в обиду не дам.

— Твоя герань сожрала Труслея? — подозрительно тихо поинтересовался ректор, а я едва заметно кивнула, не открывая глаз. Руки дрожали, ноги подкашивались.

Чего я не ожидала, так это взрыва хохота, последовавшего практически сразу же.

— Что, твареныш лохматый? — со злорадством поинтересовался ректор. — Лишился своей игрушки! Так тебе и надо, погань пакостливая!

Шушель зашипел так громко, что я открыла глаза и успела метнуть чашку, которую сжимала в руке, в сторону гаденыша, нацелившегося на Васика. Реакция у меня всегда была отменная. Гаденыш увернулся, ректор, как ни странно, тоже.

Шушель распушился, заверещал и кинулся на меня. Я испугалась, но отступить и не подумала. Оттолкнула ректора, который занимал слишком много места, и пошла в наступление, вооружившись шваброй.

— Кыш! Пошел, мерзавец! — орала я. — Нечего где ни попадя свое имущество раскидывать!

Шушель вопил, шипел, но пробраться к цветку не мог, хотя и заходил с разных сторон. Мы, наверное, с ним долго танцевали бы, но ректор сделал едва заметный жест, и твареныш с верещанием исчез в стене.

— Думаю, сработаемся, — резюмировал ректор, когда я поставила швабру в угол и поправила вы-

бившуюся из идеальной прически прядь. — Но герань свою береги. Он не отстанет.

— Так вы же его... того... — Я покосилась на Васика, который приобрел нежно-розовый оттенок, даже клубнички местами проступили.

— Это ненадолго. — Ректор сморщился, как от зубной боли. — Часа через два снова появится и какую пакость учудит на этот раз — неизвестно. Мы с ним почти полгода воюем, и пока счет не на нашей стороне.

— А...

Я не успела сформулировать вопрос, ректор и так понял, что хочу узнать, поэтому сам выложил занятую историю про шушеля и Трусея.

— Нет... с одной стороны, наверное, давно самому следовало их уничтожить... — задумчиво выдал он, рассматривая клочок веселенькой ткани в клубничку, которую не дожевал Васус.

— Трусы? — участливо осведомилась я, напоминая себе, что личная помощница прежде всего должна уметь слушать. Нас так учили.

— Да, их. Но было жалко. Все же столько сил вложено... Душа... опять же, — задумчиво продолжил он и вздохнул. Между темными густыми бровями пролегла складка.

— В трусы? — Я сглотнула. Конечно, работу хотелось очень, но я не нанималась сиделкой к душевнобольному. Судя по воплям, которые ранее довелось слышать в коридоре, он еще и буйный.

— Да что вы заладили: «трусы-трусы»! — взорвался ректор, и я предусмотрительно отступила. —

Да, трусы! Это сложнейший экспериментальный образец — пояс верности. Они удобные, натуральный хлопок, безопасные, гигиеничные... Исчезают, когда надо. Эта модель могла бы стать прорывом в артефактике. Я уверен, изобретение пользовалось бы спросом.

— А расцветка и фасон? — не выдержала я, все еще не понимая, зачем ректору академии пояс верности и при чем здесь шушель.

— Расцветка и фасон — отпугивающие! — совершенно серьезно заявил ректор и взъерошил короткий ежик волос. — Кого же на такие потянет? Да и ни одна современная, с позволения сказать, девица продемонстрировать не решится. Так что с расцветкой все нормально. Сам выбирал.

— И за что же вы так жену? — Я не выдержала и проявила женскую солидарность.

— Жену? — Ректор, казалось, искренне удивился.

— Любовницу? — ужаснулась я, осенив себя защитным знаком. Странный мужчина.

— Дочь, конечно же! — Кажется, мои предположения его оскорбили. — Она у меня... впрочем, вы сами будете иметь счастье с ней познакомиться в начале учебного года, если, конечно, не сбежите раньше. Лето она проводит с матерью. Должен же быть у меня хоть какой-то отдых. Она — стихийное бедствие! — Арион фон Расс закатил глаза, а мне как-то подурнело. Не думала, что у него есть дети. Не то чтобы мне это было интересно, но все же.

— А дочери у нас сколько? — поинтересовалась осторожно. Вдруг такие вопросы — табу.

— Восемнадцать, но Трусея я на нее надел в семнадцать, так как рыжая пакостница совсем отбилась от рук. Вы даже не представляете, что это такое! По степени причиненного ущерба она на вас похожа.

— Я не пакостница! Я благовоспитанная и очень скромная барышня!

— Да? — удивился ректор. — А сразу-то и не скажешь. Думал, только Кассандра может быть катализатором неприятностей, сама того не желая.

— Итак... — Я вернула разговор в нужное русло. — Вы надели на свою несовершеннолетнюю дочь пояс верности. Не будем углубляться в морально-этическую сторону вопроса, но что дальше?

Ректор и сам углубляться не хотел. Он поморщился, словно от зубной боли, и продолжил:

— Ну, Кассандра была бы не Кассандра, если бы не попыталась пояс верности снять. Ничего у нее не получилось — вполне ожидаемо. — На красивом, словно высеченном из камня лице появилась хитрая усмешка, которая очень быстро сменилась кислым выражением. Видимо, переиграть дочурку у незадачливого папаши не вышло. Следующие его слова подтвердили мои догадки.

— Она разозлилась и вызвала шушеля!

— Обратно отправлять отказалась? — Я понимающе кивнула.

— Если бы! У Кассандры одна, но большая беда — у нее все получается случайно! Еще с того времени, когда она ходила под стол пешком!

Это мне было знакомо. Правда, в мою жизнь нелепые случайности начали проникать не с детства, а с момента получения диплома, и привыкнуть к ним я так и не сумела.

— Шушеля она вызвала случайно, а он всегда появляется с определенной целью. В нашем случае формулировка: «Шушель их забери» касаето трусос сработала прямо. Целый месяц в академии творился ад! Не заставляйте меня рассказывать об этом позоре подробнее! Тогда первый раз в жизни я серьезно переживал, что меня снимут с занимаемой должности! Шушель охотился на Труселя! Кассандра от них избавилась, а этот поганец до сих пор их ворует, куда ни спрячь, и вывешивает на флагшток вместо флага академии! Я снимаю, провожу ритуал изгнания, он снова ворует и вывешивает. Надо мной уже студенты за спиной смеются, а преподаватели страх потеряли и ржут в голос.

— Ну так сожгли бы их или выкинули! В чем проблема?

Я действительно не понимала сложностей моего нового начальника. Сейчас вопрос решился благодаря Васусу, но неужели нельзя было повернуть раньше что-то подобное?

— Во-первых, это значит сдаться и признать свое поражение перед мелкой гадючной тварью! Нет уж! Во-вторых, жалко — я, скорее всего, еще одни не создам, тогда был зол и не записал формулу. Все собирался попытаться повторить на досуге, но конец учебного года без личной по-

мощницы — это ад! А в-третьих... — Ректор задумался. — Отберешь у этой твари трусы, которые она нежно любит, и что? Кто знает, как шушель будет мстить. А он будет, поверьте. И очень хочется надеяться, что вам и вашей герани, а не мне и моей академии.

— Ой-ой... — протянула я и покосилась на довольного Васику, который сейчас ничем не отличался от обычного цветка.

— Вот вам и «ой-ой», — передразнил меня начальник. — От позора вы меня спасли, но проблем прибавили!

— И что теперь делать?

— Работать, цветочница моя, работать! Вы же за этим сюда приехали?

Я едва заметно кивнула. Сколько получится продержаться на этой должности, одним богам известно. Но уже сейчас я могла сказать: скучно точно не будет. Впрочем, мне нигде скучно не было — неприятности находили меня сами.

Глава 2

НОВАЯ РАБОТА — СТАРЫЕ ЗАБОТЫ

В кабинет к начальству, который находился за дубовой дверью, я пошла вместе с довольно мурлыкающим Васусом после того, как убрала воду и осколки графина с пола. Оставлять цветочек один не хотелось, я помнила слова ректора про мстительного шушеля. Мало ли откуда появится мохна-

тый поганец и постарается обидеть моего питомца? Если с ним что-нибудь случится, я себе этого не прощу!

Арион фон Расс уже успел разместиться за своим столом. На секунду прикрыв глаза, я постаралась представить, что это наша первая встреча. Ведь она должна была быть такой. Точнее, почти такой — он сидит за столом и смотрит на меня с выражением вежливого интереса, и я захожу, вся собранная, причесанная и прилично одетая. Если исключить растрепанные волосы и мокрый подол платья (я все же облилась, когда уронила графин), а также Васуса под мышкой, все так и было.

Ректорский кабинет меня впечатлил. И не только тем, что беспорядок здесь царил такой же, как и в приемной, но и массой разнообразных и, наверное, опасных вещей. Чего здесь только не было! Магические шары, которые стояли рядом с географическими глобусами. Кубки за достижения, кальян, множество мелких артефактов и бумаг.

— Вы там так и будете стоять? — раздалось ворчливое, и я посмотрела прямо перед собой.

Так получилось, что как следует разглядеть Ариона фон Расса я удосужилась только сейчас. Сначала приняла его за маляра, а потом просто была занята. Я уже отметила спортивное телосложение и сейчас снова убедилась в том, что ректор магической академии строен и подтянут.

Ректор поднялся мне навстречу. На нем были узкие темные брюки и обычная светло-зеленая рубашка, которая натягивалась на широченной

груди. Казалось, слишком маленькие пуговички сейчас вылетят из петель. Ректорская мантия небрежно висела на спинке стула.

Я сглотнула и попыталась отвести взгляд. Не вышло. Интересно, студентки выстраиваются в очередь перед кабинетом? И в чьи должностные обязанности входит их отгонять? Очень надеюсь, не в мои.

— Как понимаю, разговаривать по делу вас в ваших университетах не учили! — язвительно заметил он, заставив меня испуганно вздрогнуть, и начал перебирать бумаги из моего личного дела. Вообще, он должен был это сделать раньше — тогда, когда одобрял мою кандидатуру. Впрочем, я сама сведения о нем прочла уже после того, как сказала «да» в агентстве. Похоже, впервые мне попался работодатель, которому я нужна не меньше, чем он мне.

— Так-так, а у вас богатый послужной список! — присвистнул он. — Я-то думал, вы только окончили свой вуз. И вы мне доказываете, что нежная благовоспитанная фиалка?

— Я не фиалка и не цветочница! — Я постаралась, чтобы мой голос звучал уверенно. — Меня зовут Эльмира фон Морр.

— Даже «фон»... — хмыкнул он, намекая на мое аристократическое происхождение, словно оно было чем-то постыдным. Сам-то?

— Обнищавший аристократический род? — деловито заметил ректор и снова вывел меня из себя. Удивительная способность.

— Почему же сразу обнищавший? — возмутилась я. — Да, наше состояние не так велико, но называть нас обнищавшими?

— А зачем же вы работаете? — искренне удивился он. — Я могу еще понять магичек. Отчасти. На одной такой я был женат, вторую воспитал и скоро выпущу в люди. Все же, надеюсь, сначала замуж, а потом в люди, — задумчиво добавил он.

— Уже и кандидата, наверное, подыскали? — желчно осведомилась я, думая, как же ненавижу такое положение вещей. Бедная девочка, мне ее жаль. С таким-то отцом! Наверное, и отказаться не дали.

— А как же? — Он был явно горд собой. — И что самое приятное, они до сих пор считают, что нашли себя сами. Здорово ведь, правда?

Я не знала. Моего мнения никто не спрашивал и уж тем более не пытался сделать так, чтобы я думала, будто сама выбрала кандидата в мужья. Хорошо хоть, успела сбежать и поступить в университет, иначе сейчас бы подтирала сопли третьему, а то и пятому отпрыску.

— Так зачем вы работаете? — снова поинтересовался он. — Мужа ищете?

— Как раз нет! — Я разозлилась всерьез. — Мужа мне найдут и без моих усилий. У матушки с моих пятнадцати лет есть список. Длинный, занимает целый блокнот. Но я хочу быть независимой, самостоятельной и успешной женщиной.

— Получается пока не очень, — честно отозвался он, еще раз заглянув в мое дело, и заставил

покраснеть. — Ваш список впечатляет. За три года вы сменили девять мест работы. Вы считаете, это нормально?

— За последние три года от вас сбежали десять секретарш, — парировала я. — И это тоже ненормально. Так что давайте закроем тему наших бывших и постараемся сработаться.

— Не повод хамить начальству и ставить условия! — огрызнулся он, и я послушно закрыла рот. Впрочем, я давно поняла: молчать — не лучший вариант. Нервы портятся, а итог все равно одинаков. Можно молчать и вылететь, можно отвечать и так же вылететь. Поэтому когда ректор выдал: «Просто помните: если вас выгонят отсюда, то больше никто никуда не возьмет», — я не удержалась и ответила:

— Если вы выгоните меня, к вам никто не придет. А сейчас извините, я должна попытаться за беспорядком найти свою приемную. Уборщиков у вас в академии нет? Бюджета не хватает?

— Я не пускаю их к себе в кабинет! — рыкнул он и посмотрел на меня с такой ненавистью, что захотелось ойкнуть и сбежать, но я сделала над собой усилие и сдержалась. Начальник как собака — нельзя показывать свой страх, иначе так и будет пугать постоянно. А этот еще и укусить может.

— Очень грамотное решение! — снова не удержалась я, чем, похоже, окончательно вывела его из себя. — И сами не убираетесь? В мои обязанности это тоже не входит! Будем тонуть под горами мусора?

— В ваши обязанности входит все, что я пожелаю. И уборщиков я к себе не пущу! Не хватало еще, чтобы они мне все перепутали, криворукие дармоеды!

За следующие пятнадцать минут я поняла, почему никто тут долго не задерживался. Невинная фраза про уборщиков вызвала бурную и продолжительную реакцию. Арион фон Расс оказался в рабочих вопросах упрямым, скандальным и эгоистичным. И девочка из хорошей семьи Эльмира фон Морр обязательно спасовала бы, но вот Мира, которая повидала на своем веку целых девять неидеальных работодателей, как ни странно, смогла не только выстоять, но и немного отвоевать позиции.

Сошлись мы на том, что уборщики все же будут, но работать станут под моим непосредственным контролем. После этого ректор изволили метнуть в меня папкой с документами, благополучно промазали и, возжелав кофе, удалились работать. А я закрыла дверь и перевела дух, очень сильно надеясь, что подобное не будет происходить каждый день, а закончится, когда пройдет время притирания друг к другу.

Первый рабочий вечер выдался суматошным. К тому, что мой начальник — несдержанный хам, добавилось понимание: он трудоголик и живет буквально на рабочем месте, как и все мы.

Арион фон Расс или тихо корпел над бумагами у себя в кабинете, или показывался на люди и начинал орать.

На уборщиков, которые тронули вот эту очень важную и опасную для несведущих статуэтку (а что тогда она делает здесь, на полочке, у меня под боком?).

На строителей — ну эти-то ладно, они, как всегда, сделали что-то не то и криво. Я бы и сама на них поорала.

На меня, потому что я была ближе всех, а пар выпустить хотелось, и далее по списку.

Сотрудники, работающие в академии, ходили на цыпочках и старались не попадаться начальству на глаза, поэтому и молились на меня. Я служила буфером между ними и ректором. Не сказать, чтобы такое положение вещей меня устраивало.

В итоге в комнату к себе я приползла в обнимку с Васиком уже после полуночи и рухнула без сил, стараясь не думать о том, что завтра в восемь утра мне нужно стоять перед кабинетом ректора, улыбаться и делать вид, что я счастлива лицезреть недовольное начальственное лицо. Может быть, замуж и не работать — это все же не так плохо? Подобные мысли меня последние три места работы посещали нередко, но я их упорно гнала прочь.

Зато сегодня меня не выгнали, и это уже достижение. А еще я разобрала свое рабочее место, выкинула кипу ненужных бумаг и привела в относительный порядок кабинет ректора. На очереди стояли ведомости, перепутанные личные дела и еще целый шкаф, забитый бумагами. «Какимито», — как пояснил ректор. Видимо, от этого пояснения мне должно было стать понятнее.

Приняв душ и переодевшись в любимую ночнушку, я забралась под одеяло, закрыла глаза и почувствовала себя самым счастливым человеком. По привычке посчитала, сколько еще осталось спать, и, опечалившись, что не так уж и много, моментально отключилась.

Доспать до утра мне не дали. Я вскочила, сонно хлопая глазами, потому что услышала повизгивания и шипение, раздающиеся со стороны окна. На подоконнике сидел шушель и пытался выпихнуть в распахнутое окно моего бедного Васика, который выпихиваться не желал и упорно цеплялся листочками за створки.

Я заорала на твареныша и кинулась на помощь. Шушель, чувствуя в моем лице угрозу, схватил цветочный горшок и попытался сигануть вниз. Васик предусмотрительно сжался и постарался зарыться в землю, оставив только тонкие и гибкие отростки. Я в последний миг в прыжке ухватила шушеля за хвост и опасно свесилась вниз с подоконника.

Наглый поганец верещал и пытался вырваться, но, к счастью, не выпускал цветочный горшок. Васус с перепуга выпустил длинные лианы и зацепился ими за все, что можно, — за подоконник и за шушеля. И даже на мою руку намотался и сейчас несчастно пищал. Из ярко-алого в предрассветной дымке он стал грязно-розовым, и на лепестках начали проступать ягодки клубники. Не знаю, на каких инстинктах действовал цветуй, но, увидев знакомые клубнички, шушель восторженно запищал и вцепился в горшок сильнее.

Я держалась одной рукой за подоконник, а второй цеплялась за лохматый шушелев хвост и понимала, что сделать ничего не могу. Тварь с цветочным горшком была мелкой, но вертлявой и тяжелой. Как втащить шушеля и Васику обратно, я не знала. Поэтому пыжилась, пыхтела, с грохотом уронила цветочную вазу, попыталась свободной рукой поймать, в итоге едва не вывалилась из окна сама, завопила громче, но смогла удержаться.

Пузом я лежала на подоконнике, рукой хваталась за створки, ноги болтались в воздухе. Было очень страшно, но отпустить шушеля я не спешила. Ситуация была патовая. Ни туда ни сюда. А силы из-за неудобной позы заканчивались.

Шушелю тоже было неудобно. Он испуганно верещал и болтался, но не делал никаких попыток заскочить обратно, хотя, возможно, просто не мог, так как передние лапы были заняты горшком с Васусом.

Мои вопли все же перебудили соседей, и треск двери за спиной заставил с перепуга вздрогнуть. Наверное, я улетела бы вместе с шушелем и цветущем, но кто-то схватил меня за ноги, потом за талию и бесцеремонно втащил обратно в комнату вместе с тваренышем и цветочным горшком. Я для порядка снова заорала, выдохнула и хотела отблагодарить.

Но шушель с визгом выпустил Васику (я едва успела поймать цветочный горшок) и сиганул за окно. Цветочек снова спрятался в землю, а я встре-

тилась с гневно пылающими и очень знакомыми глазами.

— Вы! — припечатал Арион фон Расс, и я испуганно пискнула. — Вы ходячая неприятность! Вы здесь всего ничего, но уже мешаете мне спать! Я вас завтра же отправлю обратно в столицу, предварительно надев на вашу бестолковую голову этот цветочный горшок с сумасшедшим растением! Сейчас четыре утра! Что вы себе позволяете?

— Эт-т-то не я.. — писк получился слабым, мышиным. — Эт-то он! — Я показала за окно, туда, где скрылся шумель. — Простите, пожалуйста, я Васика спасала.

На глаза наворачивались слезы. Рано я радовалась, что продержалась хотя бы день. Похоже, сейчас меня и попрут. Было до невозможности обидно. Но не могла же я бросить свой цветочек?

Ректор что-то буркнул и отступил, видимо, немного остыв, а меня запоздало накрыло. Стыд и паника. Я стояла босая, с распущенными волосами. Из всей одежды на мне сейчас имелась серебристая, короткая и очень откровенная ночнушка — полупрозрачный пышный подол и кружево ручной работы на открытом лифе, выгодно подчеркивающим грудь. У каждой же девушки может быть слабость. Моей было белье. Сейчас я пожалела об этом, так как передо мной стоял монументальный, словно скала, сексуальный мужчина в одних домашних штанах. Сильная грудная клетка, рельефные мускулы, пресс, а в глазах — яростный огонь. Аж дух захватывало.

Я покрепче прижала к себе Васика и вздрогнула под взглядом, из которого внезапно начала испаряться злость, сменяясь чем-то другим, не менее опасным.

— Не знаю, какие цели вы преследуете. — Он снова сделал шаг вперед, и я, вздрогнув, прижалась спиной к подоконнику. — Но ваши крики в ночи, ваш откровенный наряд — все это заставляет мыслить в одном направлении. — Арион фон Расс улыбнулся и наклонился к моим губам, а я боялась даже вздохнуть, потому что и в мыслях не имела кого-то провоцировать. — У меня нет привычки заводить романы с секретаршами, но сейчас... — Он мечтательно закусил губу. — Я готов над этим подумать. Студентов не будет еще целых полтора месяца, а вы все равно дольше не продержитесь ни здесь, ни в моей постели.

— Да вы! — возмутилась я. — Как вы смеете?

— В чем дело, Мира? Вы рассчитывали на брак?

— Я рассчитывала на работу! — Возмущение клокотало в груди. — Меня не интересуют отношения!

— Да ладно! Кому вы врете? Всех интересуют отношения. Даже меня. Спокойной вам ночи. Или... — Он бросил раздраженный взгляд за окно. — Или доброго утра. Не опаздывайте. Я не люблю, когда меня заставляют ждать.

Он ушел, а я так и осталась стоять у окна. Из всех мерзких ситуаций, в которых я оказывалась за время работы, сейчас я попала в самую мерзкую. На меня запал начальник. Однажды такое уже слу-

чалось, но там я сопротивлялась без труда и, когда стало невозможно, спокойно сбежала. Но в данный момент это место — моя последняя надежда, а Арион фон Расс непозволительно хорош. Но ведь я профессионал и ни за что не сдамся. Наверное, не сдамся. По крайней мере, очень постараюсь.

Сон не шел, и даже думать не хотелось о том, чтобы снова лечь спать. Кто знает, что может придеться после ночного появления ректора! Поэтому я решила заняться чем-нибудь полезным. Привела себя в порядок, оделась в любимое темно-серое платье, придающее мне уверенности, забрала волосы в строгую прическу, разложила вещи по полочкам в шкафу и, прихватив Васика, который от голода приобрел насыщенно-малиновый цвет и кровожадно щелкал челюстями, отправилась на свое рабочее место.

Без казусов по дороге не обошлось. Васик, прежде чем я успела его оттащить, отхватил кусок висящей на доске почета грамоты, сожрал оставленное кем-то из уборщиков мыло с подоконника и одну резиновую перчатку. Я решила сбежать побыстрее — конечно, час еще ранний, но мало ли кому по утрам не спится, как и мне.

Я шла на рабочее место намного раньше положенного срока, но решила, что это не страшно. Следовало, во-первых, проявить сознательность и рвение в делах, во-вторых, делать все равно было нечего. Раньше начнешь — раньше закончишь, да и ректора я предпочла бы встретить, уже сидя на рабочем месте. За столом среди бумаг я чувство-

вала себя старше и увереннее. Ключ от приемной у меня был, а кабинет, насколько я помнила, начальник вчера не закрыл. А если и закрыл, ничего страшного, и в приемной дел невпоровот.

Не учла я только свою невезучесть. Подумала, что после феерического знакомства с новым начальником, сожранных Васиком экспериментальных Труселей и ночных экстремальных развлечений ничего страшного уже произойти не должно, но ошибалась.

Открыв кабинет, я водрузила на окошечко Васика, сунула ему в качестве перекуса скомканную бумажку, которую планировала выкинуть в мусорное ведро, и ринулась в помещение, которое занимал ректор. Если мне повезет, то успею разобрать бумаги в шкафу до его прихода, и можно будет наши контакты в течение дня свести к минимуму.

Дверь и правда оказалась не заперта. Я гордо шагнула внутрь и тут же застряла. Вокруг меня ничего не было, но я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Попыталась повернуться. Кое-как у меня это получилось, но только влоборота. Лихорадочно подергала руками и одну все же освободила. Но и шаг ступить не смогла. Так и замерла в дверях, словно подвешенная за ниточки марионетка. Справа от меня была полка с трофеями ректора — кубками, баночками с заклинаниями, слева — приемная.

— Вот же шушель! — прошипела я раздраженно. Подобное произойти могло только со мной, и ни с кем больше. Почему же так не везет?

— Нету его тут, — тоскливо отозвался кто-то из-за спины, заставив ойкнуть. Я испуганно задержалась, но никого не заметила и от этого испугалась еще сильнее.

— Тут только я...

Прямо передо мной сгустилось облако, явив взору печального призрака-охранника. Он походил на светло-серую, подрагивающую на ветру тряпочку с лицом унылого мужичка лет сорока пяти — пятидесяти.

— Это ты меня поймал? — поинтересовалась я, стараясь скрыть дрожь в голосе. Я слышала про призраков-охранников, но в немагических учреждениях, в которых мне довелось работать, таких не держали. И уж тем более я не попадалась в составленные ими сети, поэтому переживала.

— Ага, я... — безразлично отозвался он и начал медленно таять.

— Отпусти, а? — заканючила я. — Пожалуйста! Мне просто нужно взять документы вон из того шкафа.

— Не могу.

— Почему не можешь-то? — взвыла я. — Я здесь работаю! Отпусти!

— Так не начался еще рабочий день. Он с восьми и до... Ну пока герр ректор не изволит домой уйти. А сейчас рано. Нет еще восьми. Значит, ты тут пока не работаешь.

— Ну отпусти, что тебе стоит?! Я просто встала рано, вот и пришла! Больше не буду, честно-честно!

— Не могу, сказал же.

Призрак летал передо мной, печально заглядывал в глаза, вздыхал, но путы не снимал.

— Почему не можешь? — поинтересовалась я обреченно.

— *Этот* придет, орать будет, — заметил охранник.

Мне не нужно было пояснять, кто «этот», было и так понятно — ректор.

— Скажет: порядок во всем нужен. Сам мусорит, раскидывает все, а от других порядка требует! Знаешь, как тут тяжело работается?

— Да откуда же! — возмущенно фыркнула я. — Ты мне работать не даешь!

— Ничего. Узнаешь, — продолжил он как ни в чем не бывало. — Только привыкнешь к новому лицу, полюбишь, под график подстроишься — сбегает! Я бы и сам сбежал. Так кто ж отпустит?

Призрак вздохнул и в задумчивости завис над ректорским столом. Мне его жалко не было. Хотел бы уйти — ушел бы. Только для таких, как он, это означает окончательную смерть. А призраки держатся за подобие жизни. Стонут, страдают, но и совсем уйти не желают.

Вместо этого я поинтересовалась:

— И долго мне торчать в такой позе? Неудобно, между прочим.

— Пока герр ректор не явится. Герр ректор ближе к восьми приходит и начинает ругаться. Кубками, бывает, кидается! Вот придет, проорется и отпустит тебя. Так что не переживай. Недолго.

— А может, без «проорется» как-нибудь? — с надеждой поинтересовалась я. — Отпусти, а? Давай мы забудем о том, что я сюда пришла? Сделаем вид, будто я просто начала разборку со своего рабочего места, а в кабинет ректора даже не совалась. Ну пожалуйста, нам же работать вместе!

— Не могу! — Темное кольшущееся облако с лицом потемнело. Видимо, от злости. — Все думают: призрак-охранник — это никто! Его можно шпынять, даже в кубок засунуть, как джинна, и печатью гербовой заткнуть! Издеваются, как могут! А мне терпи! Не согласен!

— И кто над тобой так издевался? — ужаснулась я. — Ректор?

— Нет. Дочка евойная со своим недомагом.

— Почему недомагом? — уточнила я, понимая, что вникнуть во все хитросплетения жизни академии удастся нескоро.

— Не знаю. Маг как маг, специалист по проклятиям хороший, а недомагом его господин ректор именует. Не любит, видимо. Или, наоборот, любит. Орет чаще всего. Даже чаще, чем на дочурку свою рыжую.

— И за что они тебя в кубок засунули?

Я поняла, что на волю меня не выпустят, поэтому решила пока развлечь себя и послушать рассказы призрака-охранника. Раз не получается сделать ничего полезного до начала рабочего дня, так хоть сплетни местные узнать.

— Мешал я им. Вот как тебе сейчас. Тоже в кабинет сунулись за какой-то надобностью. Я их

просто напугать хотел, а они... Целые сутки потом взаперти сидел, пока ректор не выпустил, а в кубке темно, страшно и паутина. Знаешь, как плохо? Нет, не знаешь, ты же не сидела. Вот после того случая я всех неожиданных гостей паутинкой встречаю. Оно надежнее. И поговорить можно спокойно, иначе велик шанс получить заклинание в лоб и снова угодить в кубок. А герр ректор еще ругался потом на меня. «Какой же ты, — говорит, — охранник, раз с двумя недомагами не смог справиться? Никакой». Поэтому и тебя не выпущу.

— А я-то тут при чем?

— А все при том! Они недомаги, а ты вообще обычный человек. Если тебя упусти, достанется еще больше. Так что сиди тут. Осталось не так уж и много. Часика полтора.

Я вздохнула и смирилась со своей судьбой. Очень не хотелось попадаться ректору на глаза в беспомощном плененном состоянии, но выбора никакого не было. Сейчас я, по крайней мере, одета не в прозрачную ночную сорочку. Если оставаться честной, мне вообще не хотелось попадаться ректору на глаза, но это мечты, которым сбыться не суждено. Я была настроена проработать здесь долго и плодотворно, вдруг наконец-то получится создать себе нужную репутацию, несмотря на все сложности и плохую карму.

Я смирилась со своей участью и так бы и висела мирно до прихода ректора, проклиная собственную невезучесть, если бы, повернувшись в сторону приемной, не заметила мелькнувшую возле

зазевавшегося Васику лохматую пушистую тварь. Шушель! Вот почему он вздумал появиться именно сейчас, когда мой цветочек совершенно один, беспомощный стоит на окошке и тянется листочками к солнышку!

— Пусти! — крикнула я призраку и рванула из пут. Лохматый гаденыш уже потирал лапки и прицеливался к моему Васусу. — Кыш! — завопила я, пытаюсь прогнать демоненка, но ясное дело, он только мстительно хихикал, повизгивал и больше никак не реагировал. — Пусти же! — это уже призраку-охраннику.

— Не положено! — меланхолично отозвался он.

Я рванулась сильнее, схватила с полки первый попавшийся флакон и под вопль охранника: «Что же ты творишь? Нет!» — метнула его в шушеля, который пытался утащить мой цветочек.

Твареныш взвизгнул, бросил горшок на краю стола и попытался увернуться. В итоге флакон настиг его в полете прямо в центре приемной. Раздался звон стекла, шушель исчез в воздухе, а на полу в центре приемной образовалась темная лужица неизвестно чего.

Горшок с Васусом качнулся на краю стола, пошатнулся и под мой горестный вопль полетел на пол. Но вместо того чтобы разбиться, просто исчез, едва коснувшись мокрого пятна на ковре.

— Ну что ты наделала? — запричитал охранник у меня за спиной, а я пожала плечами, надеясь, что все не так страшно, как мой тюремщик пытается

показать. Только вот Васику жалко до слез. Куда он мог запропасться?

За следующие пятнадцать минут я извелась, издергалась в паутине, и даже призрак-охранник начал смотреть на меня с жалостью, впрочем, так и не отпустил. А я и не просилась больше. От него я узнала, что именно было в бутылочке, и от этого чувствовала себя еще более отвратительно, так как прекрасно понимала, чем грозит моя неуклюжесть. В лучшем случае — выговором, а в худшем... Проще даже не думать.

Ректор хранил на полке концентрированное заклинание портала, которым пользовался, как правило, для того, чтобы не пропустить важное совещание в министерстве. А я пролила жутко ценную жидкость на ковер и не была уверена, что моей зарплаты хватит, чтобы расплатиться. Очередная неприятность, в которую я вляпалась. Ни один работодатель не станет терпеть на рабочем месте подчиненного с кучей проблем.

Когда начальник появился на пороге приемной, он сразу же заметил меня и протянул:

— У-у-у, какая птичка попала в мои силки. — В приятном бархатном голосе прорезались мурлыкающие нотки. — Мира, а не думаешь ли ты, что это знак?

Я не слушала. Мне показалось, что он слишком близко подошел к опасной зоне — мокрому пятну в центре приемной. Мы с призраком в унисон крикнули: «Не-э-эт!» — но было поздно. Ректор

попал ногой на пятно, оставшееся от пролитого заклинания, и с совсем неподобающим его статусу воплем пропал, а я застонала от беспомощности.

— Ну теперь-то ты меня выпустишь, ирод? — крикнула я призраку-охраннику, но он исчез. По подозрительно подпрыгивающему кубку на полке я предположила, что спрятался в него. А ведь вопил как? Обидели! В кубок засунули! Ничего, стоило жареным запахнуть, как сам спрятался и носа не кажет из своего убежища.

Хуже было то, что способность двигаться не вернулась, а у меня пропали любимый цветуй и ректор. По поводу первого я переживала, второе вызывало панику.

«Помощница, по вине которой начальник сгинул», — от одной мысли о подобной записи в личном деле у меня волосы на затылке зашевелились и стало нехорошо.

В ближайшее время нужно было решить: то ли позвать на помощь, то ли попытаться выманить призрака-охранника, то ли подождать чуть-чуть. Вдруг ректор появится сам, так же внезапно, как и исчез. О последнем я мечтала, даже не вспомнив, что с утра не хотела его видеть. Как-нибудь уж вытерплю и насмешки, и двусмысленные намеки, и даже ругань. Лишь бы было от кого.

Впрочем, сейчас высшие силы услышали мои мольбы, и спустя недолгое время в дверях показался герр ректор собственной персоной. Он был зол, как демон. Глаза светились красным, и под мыш-

кой он держал Васуса. Васик испуганно прятался в землю. Бледные стебли подрагивали, но горшок был цел. Похоже, цветочек не пострадал.

От сердца отлегло, правда, ненадолго. Я дернулась вперед, но паутина не пустила.

— А в курсе ли вы, милая барышня, что я вашими стараниями сейчас попал в приемную министерства? — с шипением начал ректор. — И министерские дамы были крайне напуганы. Потому как сначала на них с потолка упало визжащее лохматое существо, правда, быстро растворилось в стене, не успев никого довести до инфаркта. Потом свалился цветочный горшок с прожорливой геранью. Ну а после весьма неэлегантно явился я собственной персоной в неназначенное время и помешал пить чай! — говорил ректор подозрительно тихо и спокойно, поэтому душа у меня ушла в пятки и руки затряслись от страха.

— Так утро же совсем... — проблеяла я не в тему, лишь бы не молчать. — Рано для чая.

— Про двухчасовую разницу во времени со столицей ты, ветреная моя цветочница, предпочла забыть. Правильно, такие мелочи не должны волновать юных блондинок. Вот скажи мне, Мира, от тебя всегда столько убытку?

— Я нечаянно! — Из груди вырвался всхлип.

— Кто бы сомневался! — саркастически отозвался ректор. Поставил цветочный горшок на стол и подошел ближе. — Зачем ты швырялась заклиниванием портала? Ведь оно именно так оказалось в виде лужицы на полу?

— Я хотела Васику помочь! Вот и кинула первым попавшимся! И вообще, если бы не ваш охранник, который меня обездвигил, все было бы хорошо.

— Хорошо, говоришь? — Ректор наступал на меня, а я даже сбежать не могла. Только дрожала от страха и мечтала свалиться в обморок. — Ты одна большая непрекращающаяся трагедия. Даже моя нежно любимая дочь Кассандра теряет баллы рядом с тобой. Она неспособна причинить столько ущерба на ровном месте!

— Ну я правда не виновата и случайно! — Оправдание вышло жалким, детским и недостойным специалиста со стажем, но что я могла поделать, если правда такова?

— Твоя герань сожрала важный документ в министерстве! И угадай, кому за это досталось? — прошипел Арион фон Расс, наклонившись к моему лицу.

— Ой! — Я прикрыла рот ладошкой, но нашла в себе силы тоненьким голоском поправить: — Васик не герань.

— Да мне до демонов! — взорвался ректор, и от крика у меня заложило уши. — Вот скажи мне, белобрысое скопление неприятностей, есть ли у меня хоть одна причина, чтобы оставить тебя здесь работать, понимая, что неприятности — это составная часть твоей жизни?

— Да. — Я лихорадочно искала ответ. — Даже две. Другой помощницы у вас нет. И я действитель-

но умею работать с бумагами. Я училась и была отличницей! Правда! Это потом на меня свалилась невезучесть! Но я трудолюбивая и постоянно борюсь со своими недостатками!

— Да? — Он хмыкнул и приблизился вплотную, так близко, что я могла разглядеть алые всполохи демонического пламени у него в глазах. — Нет, цветочница. Эти причины — полнейшая ерунда. Мне всегда кого-нибудь находили! И многие кое-как с обязанностями справлялись. Знаешь, в чем основная причина?

— В чем? — пискнула я.

— В отличие от всех остальных, ты меня хоть и раздражаешь, но совершенно в ином и очень волнующем смысле. Мне будет приятно на тебя смотреть. Поэтому так и быть, твори беспредел на моей территории. Но учти: рано или поздно моему терпению придет конец, и тогда ты вылетишь. В твоих интересах сделать так, чтобы это произошло как можно позже!

Он отступил.

Я выдохнула, но, как оказалось, рано. Арион фон Расс раздраженно добавил:

— А сейчас — работать, и так задержалась на полчаса!

— Я?

Возмущенный вопль замер в горле, но я все же нашла в себе силы замолчать и сдержаться. Похоже, мне придется не просто трудно, а непередаваемо трудно. Про явный интерес начальника

я предпочитала не думать. Это, конечно, крайне неприятно и опасно, но именно по этой причине Арион фон Расс меня не выкинул сразу же. Значит, буду ходить по лезвию. А что еще остается?

Глава 3

СО СТРАХАМИ — ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Всю первую половину дня я упорно изображала обычную серую мышь. То есть сидела тихо, периодически негромко шуршала бумагами и вздрагивала от каждого шороха. К счастью, начальнику было не до меня. Сначала он громко орал за закрытыми дверями кабинета на призрака-охранника, потом с бухтением и воплями убирал стационарный переход, после этого отправился в традиционный обход по академии. Я так понимаю, чтобы все остальные здесь работающие, не дай боги, не расслабились и не забыли о существовании начальства.

Пока Арион фон Расс отсутствовал, я наслаждалась — это были самые спокойные и плодотворные полчаса за весь мой рабочий день. Васик мирно стоял на окне и дожевывал стащенную из коробки печенюшку, я подшивала дела и наслаждалась тишиной. А потом ректор вернулся и внезапно вспомнил о моем существовании.

— Итак, моя тихая и, к удивлению, ничего не натворившая цветочница. Ты сегодня пристойно справилась с работой уборщицы и доказала, что,

наверное, из тебя бы вышла неплохая жена. Пылюку на подоконниках протерла, цветочки полила... Все, кроме своего монстра, — его ты не иначе как кровницей ночами поишь. Бумажки в стопочки сложила красиво и аккуратно, а теперь пришла пора поработать по специальности и доказать, что диплом твой честно заслуженный, а не купленный в ближайшей подворотне у талантливого мага. Хотя печать на нем стоит, и с виду совсем настоящая, а я подделку определить могу.

Я сглотнула и кивнула. В глазах дрожали слезы, но я сдерживалась и молчала. Не хватает еще продемонстрировать свою слабость. Не дождется. Ни за что не покажу, что мерзкий тиран меня довел.

— Куда ты приехала работать? — хитро поинтересовался он. Не понимая, где кроется подвох, я послушно ответила:

— В магическую академию.

— Правильно. Заведение у нас учебное, соответственно, все мы следуем некоторым правилам. В обязательном порядке, в числе прочего, разрабатываем программы к новым учебным курсам. С этим все очень строго. Причем не только у меня, но и на министерском уровне. Мои преподаватели в большинстве своем — люди дисциплинированные и программы уже сдали. Еще бы не сдали! — Он нехорошо усмехнулся. — Нет программы — нет отпуска. Но есть среди нас те... — Ректор помрачнел и обиженно засопел, — кому отпуск без надобности, и они программу по курсу некромантии не сдали до сих пор. А меня ругают в министерстве.

Тебе сейчас предстоит навеститься к профессору Сазейру и объяснить ему, что программа должна быть у меня на столе. Самое позднее — через неделю!

С каждым словом голос ректора становился чуть громче, и я поморщилась.

— Он еще в прошлом году ее должен был разработать. Он пришел к нам в феврале и всю весну, а это, считай, практически полностью второй семестр, читал предмет без программы. Вот как так? Предмет есть, а программы нет. Непорядок!

— Ну зачем же так кричать? — тихо спросила я и осторожно взяла из рук ректора папку, которой он размахивал так, словно пытался прибить стадо мух. И тут до меня дошло, кто такой профессор Сазейр и почему мне казалось, что я уже слышала это имя.

Ректор с гаденькой усмешкой удалился к себе в кабинет, а я так и осталась стоять с папкой посреди приемной. Руки тряслись, губы — тоже, а колени подкашивались. Первым порывом было схватить Васику, покидать вещи в чемодан и бежать к шушелям из этой проклятой академии. Хотя почему — к шушелям? К мамочке с папочкой и их пухлому блокноту со списком женихов. Для меня даже подвенечное платье уже было заготовлено. Как раз на такой случай.

Безрадостные перспективы меня отрезвили. Я выдохнула, смахнула слезинки с ресниц, взяла с подоконника Васику, решительно направилась к кабинету ректора и постучала в дверь.

— Можно?

— Нет, Мира! Нельзя! Пока не поговорите с профессором Сазейром, ничего вам нельзя. Идите уже!

— Но я Васика хотела вам оставить... — Я все же заглянула в кабинет и испуганно ойкнула, встретившись взглядом с раздраженным ректором.

— И зачем мне нужна твоя кусачая герань? Чтобы она сожрала что-то нужное? Нет уж!

Я начала ныть:

— Ну вы его поставьте в стороночку и дайте ненужную бумажку. Он будет занят и никого не тронет. Вдруг его снова шушель обидит?!

— Ага! Может быть, его еще погулять вывести?!

— Погулять не нужно! Ну как я с ним пойду? А если он кусок профессора откусит? Что делать-то будем?

— А он может? — несколько испуганно уточнил Арион фон Расс.

— Понятия не имею. — Я пожала плечами. — Кто же его знает. Васик все ест. А профессор — он ведь малость неживой.

— Поставьте на стул! — недовольно скомандовал ректор и показал, на какой именно. Отсюда Васик не должен был ни до чего достать.

Я оставила свой цветочек и поспешила к двери, надеясь, что не грохнусь в обморок в самый неподходящий момент.

Я честно пыталась не бояться. По коридору шла уверенной походкой, только побледнела чуточку — об этом мне поведало огромное зеркало в холле. Коридоры академии были пусты. Народ

разъехался на лето, и остались лишь самые большие энтузиасты или те, кто провинился и был за это лишен отпуска. Ну и обслуживающий персонал. Как ни странно, меня уже узнавали, вежливо кивали и раскланивались. Зажимая под мышкой пухлую папку с документами, я понимала, почему. Личная помощница — звено между начальником и подчиненными. Гадостную новость можно сообщить ей и не огрести по первое число. И с неприятной просьбой придет она, а не начальник — и это очень удобно. Можно тактично отказаться. Крайней всегда останется помощница.

Я все это знала давным-давно, но только тут поняла, насколько катастрофичным может быть подобное положение вещей. Быть вечно крайней у начальника-тирана по-настоящему страшно.

Профессор-лич обитал, как и полагается умертвию, практически в склепе. Его кабинет, аудитория и личные апартаменты располагались в подвале. Мне пояснили, что он всю весну вел занятия в обычных аудиториях, но на следующий учебный год вытребовал себе личные удобные апартаменты. Кстати, меня до глубины души поразила история о том, как он воскрес. Оказывается, его случайно подняла — и ключевое слово тут «случайно» — дочка ректора. В этот момент я начала немного понимать Ариона фон Расса и ему сочувствовать.

Если изначально мне показалось, что быть дочерью тирана сомнительное удовольствие, то сейчас я осознала, что ректор и дочка — одного поля

ягоды. И неизвестно, кому повезло, а кому — не очень.

Темный коридор с узкой каменной лестницей вел в подвал. Расположенные на стенах магические светильники давали совсем немного света, и было жутковато. Несколько поворотов, три двери, за которыми находились складские помещения, и я добралась до места назначения.

Я долго медлила перед дверью во владения лича. Топталась на месте и думала, как решиться постучать. Что потом сказать, как себя вести с не первой свежести трупом, который ходит и говорит? Нужно поблагодарить за то, что он донес меня до моих апартаментов, или не стоит акцентировать внимание, все же в обморок я упала, увидев его? Стоит извиниться за свое поведение или все же разумнее промолчать?

Может, просто сразу перейти к делу? А дело, как я поняла, неприятное. Предполагаю, вредный герр ректор уже подходил к профессору-личу с просьбой составить программу и был послан в далекие дали. Не знаю, сколько бы времени я мялась возле двери еще, если бы она сама не распахнулась у меня перед носом — резко и неожиданно, вырвав меня из состояния задумчивости.

Я отпрыгнула, вскинула голову и уставилась в полыхающие алым глазницы. Безгубый рот искривился в кровожадной усмешке, и я опять допустила ту же ошибку, которую и в прошлый раз. Вот была готова к тому, что увижу, но эффект неожиданности все же сыграл злую шутку. Я не